

ТАТЬЯНА
СЕЛИВАНЧИК

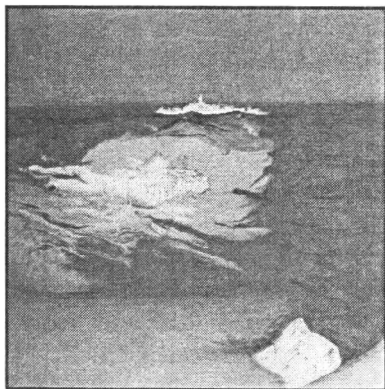

УПОВАНИЕ

*Татьяна
Селиванчик*

УПОВАНИЕ

С т и х и

Харьков
2006

ББК 84.4 УКР-РОС

С55

*Автор выражает глубокую благодарность
за помощь в издании книги
Валерию Валентиновичу Правдину*

*За техническую помощь в подготовке
рукописи к изданию автор благодарит
Александра Хоронько и Давида Титиевского*

*Обложка – работа художника
Эдуарда Гроссмана*

С55 Селиванчик Т.С.

Упование. Стихи. – Харьков: ИД «Райдер», 2006.–
80 с.

ISBN 966-8246-61-6

Третью поэтическую книгу Татьяны Селиванчик «Упование» составили стихотворения, написанные в последние годы. Постоянная обращённость авторского взгляда к внутреннему миру человека, неравнодушие и эмоциональный накал в стремлении понять глубинные движения души – вот характерные особенности философской лирики нового сборника. Пластическую систему автора отличает точное и ясное письмо, естественность и ёмкость образов, подлинность лирической интонации.

ББК 84.4 УКР-РОС

ISBN 966-8246-61-6

© Селиванчик Т.С., 2006

© Оформление Гринченко А.Т., 2006

«С этим небом твоя и моя совпадает душа...»

Творчество Татьяны Селиванчик – уже давно известно ценителям поэзии. Ранее увидели свет две книги её стихотворений: «Три костра» (Киев, 1989 г.), «Маятник ночей» (Харьков, 1996 г.). И вот перед читателем – её новая поэтическая книга, выходящая ровно через десятилетие после предыдущего сборника.

Не главная ли реакция автора на прошедшие десять лет определена ключевым словом и вынесена на обложку книги – «Упование»? Не главный ли ответ на то самое десятилетие, которое ни для кого из нас не было приветливым, гуманным, обнадеживающим?

Надежда – естественное состояние человеческого существа. Наверное, самая звучная формулировка этой важной истины дана еще латинским «*Dum spiro, spero*» – «Пока дышу, надеюсь». И убедительность этого образца римской лаконики таится не только в чеканном ритме фразы, но и в некоем глубинно-фонетическом, почти магическом, совпадении: вся разница между «*spiro*» и «*spero*», между «дышу» и «надеюсь», определена одним – единственным срединным гласным звуком...

Не так легко, однако, реализуется переход от дыхания к надежде в реальном человеческом бытии. Сегодняшний социум, сегодняшняя окружающая среда, а, следовательно, и душа и плоть каждого человека подвержены непрерывному натиску множества старых и новых болезней – и поддающихся более или менее лечению, и таких, от которых ни вакцин, ни лекарств на сегодня просто не существует. Как нет и уверенности, что такие противоядия появятся когда-либо...

И кто же чутче поэта способен уловить накопление критической массы этих обстоятельств во всей их остроте и неотвратимости?

*Нет, к сожалению, не сон,
Не чьи-то бредни –
Немыслимый аттракцион
Времён последних
.....
На все «спаси и сохрани»
Немого крика
Глядит Спаситель в наши дни
Печальнолико.*

Тревожна усеченно – ямбическая ритмика этих стихов. Ведь речь в них идёт о трудноисцелимых хворях социального организма: об алчи, эгоизме и жестокости, о безбожии и непокаянии.

О прежних родимых пятнах и язвах – в новых, «последних» временах, в новых мутациях и преломлениях:

*Неужто бой добра со злом
Грядёт итогом,
Где свет и тьма пойдут на слом –
Одним потоком?*

Эти стихи о глобальном, о «часах потопа» помечены неподдельным личностным чувством, живой болью именно потому, что Татьяна Селиванчик предстаёт в своей поэзии по преимуществу лириком. То есть, чутким слушателем и соглядатаем человеческой души, её аналитиком и метафизиком, а порою и алхимиком, способным подвергнуть ранимую субстанцию рискованному психологическому испытанию.

Спектр лирических интонаций семи десятков стихотворений сборника широкополосен – от элегического напева – раздумия до звучания полемичного, пафосного, но чаще всего оправданного подлинностью страсти. Примечательна способность автора выдерживать точную лирическую ноту, принятое настроение стиха. Как, например, в этом теплом и просветлённом обращении к родному человеку:

*Не называй безотрадным житьё,
Как бы там ни было в мире увечном, –
Видишь, шиповник блаженно цветёт –
Радуйся мигу: пусть он быстротечен.*

*Что б ни терзало, ни жгло изнутри –
Собраны прожитых лет урожаи –
Словно ребенок, вбирая, смотри,
От неизбежного чуть отрешаясь.*

Или же в стихотворении совсем иного рода, из тех, где поэт не останавливается перед риском испытания собственной души на излом и на разрыв, и где, какой бы ни была подоплека горечи и разлада, слово звучит, – и в эмоциональном, и интонационном отношении – полновесно и убедительно:

*Ты, сам того не зная вроде,
Мне давший силы дальше жить,
То в сторону глаза отводишь,*

*А то глядишь поверх души:
Неловко, непривычно глазу –
В беду чужую и печаль,
Так смотрит акробат Пикассо,
Повёрнут в сторону плеча...*

Последние четыре строки данного отрывка сделаны с точки зрения пластики, поэтической техники – мастерски. Каждый, у кого на памяти неприкаянные фигуры бродячих циркачей голубого и розового периодов Пикассо, сможет увидеть заново всю выразительность и символичность их жеста-излома, поворота-надлома. Увидит именно потому, что эта символика очень точно входит в смысловой контекст стиха.

К подобному хлесткому тропу, к интенсивной метафоре Т. Селиванчик обращается не часто. Наверное, здесь уместно определение: редко, но метко. Думаю, что ориентация на традиционные, – сказать бы, классически сдержанные, – пластические средства является вполне осознанным выбором автора. Пожалуй, это именно принципиальная позиция – снятие всех потенциально лишних, игровых, моментов в пользу полной серьёзности постановки главной поэтической задачи.

Объективно говоря, возможны и внутренне плодотворны самые разные пластические системы. Но важно то, что в выбранной Татьяной Селиванчик системе художественных координат ей удастся достичь живого дыхания стиха, достичь выхода в новое поэтическое пространство:

*День июньский свечою зелёной горит не спеша.
В нем летучая радость важнее насущного хлеба,
А этаж совпадает с десятым сиреневым небом –
С эим небом твоя и моя совпадает душа.*

Здесь в последней строке найден сильный и естественный образ обретения поэтом того самого, вынесенного в заголовок книги, «Упования». Не просто надежда, но Надежда – в единении с Верой. Еще точнее, Надежда, оправданная неутратой и Веры, и Любви.

Воистину, упование – это то состояние, когда «с небом совпадает душа». Благо – когда совпадает (не во всякую минуту...) собственная душа, трижды благо – когда участвует в этом созвучии (еще реже и труднее!) одновременно и душа единомышленника, соучастника по преодолению мировой пустоты:

...А над чьей-то строкой – горевою, расхристанной –
То замрешь, то взметнешься до сердцебиенья.

Умение почувствовать вибрации тонких слоев – характерная особенность лирики Татьяны Селиванчик. Вот этот резонанс внутренней струны с основным тоном, заданным «десятым сиреневым небом», и есть одна из основных целей поэзии – и во вдохе, в ощущении, в преддверии стиха, и в выдохе, в звуковом и образном осуществлении слова.

И здесь уже – только предыстория: достигнуто ли резонирование с июньским небом всем напряжением дара и внутреннего существа поэта (и не минутным, а всежизненным напряжением!) или же глубокое и точное звучание почти подарено счастливым приходом вдохновения, которое тоже в конечном итоге — следствие долгой духовной работы. И никогда читатель не узнает в подробностях, как сменяется день ночью, а надежда отчаяньем на смотровой, затворнической, башне десятого этажа где-то, например, на стыке улиц Ключковской и 23-го Августа...

Конечно же, всякий раз в искомом «совпадении с небом» участвуют и внешние, и внутренние силы.

Но и несомненно и то, что готовым к творческому созвучию должен быть в первую очередь именно художник. Именно его святое, почти непосильное, дело – отстоять во многомерном хаосе своё внутреннее, своё – Божье... И речь здесь не идёт ни «о черных дырах хладнокровных сердец», ни даже о тех, кому «не по силам надмерность».

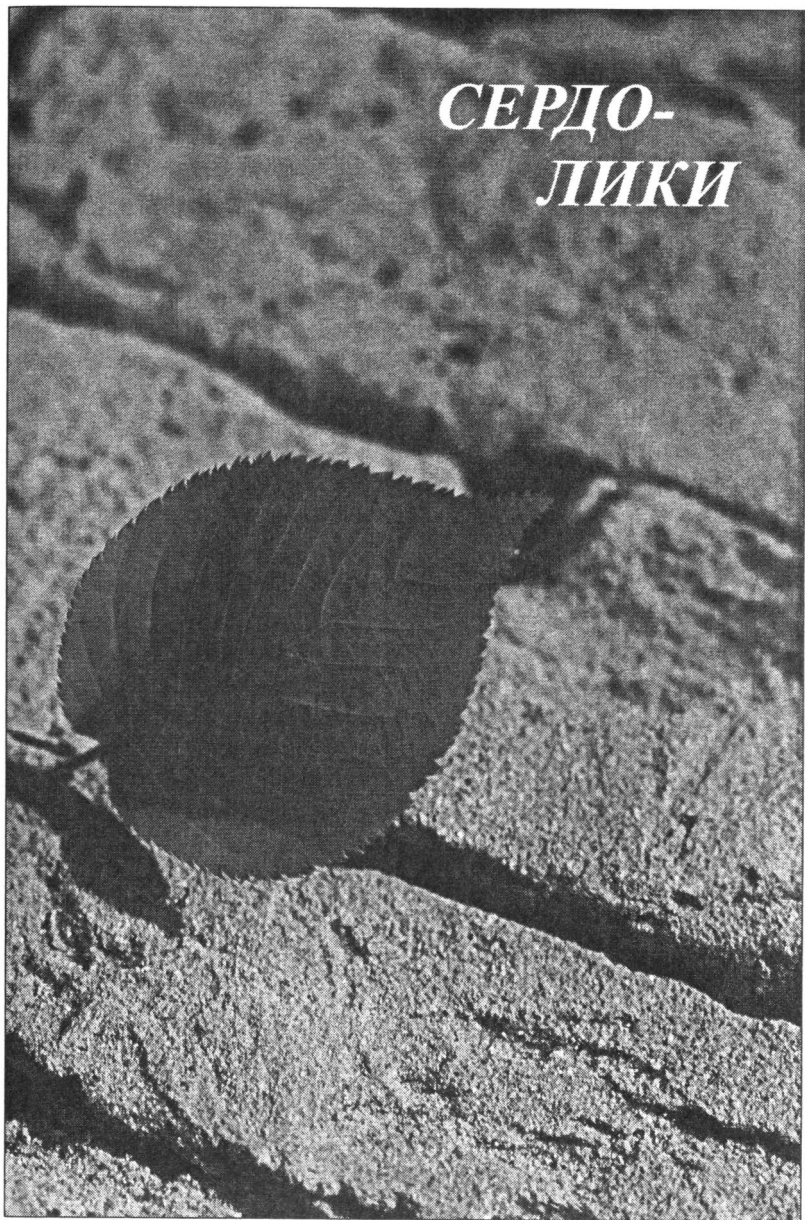
А говорится здесь, как и в поэтической книге «Упование», о обретении надежды – вопреки горечи и боли земного пути. И, что еще важнее, – о неизбежности, о полноте и всеобъемности этой надежды. О том, что под летучим, острым и точным, углом поэтического зрения существуют и всегда будут существовать «Вселенная, пронизанная Богом», «мир, исполненный смысла». И никакие хвори земного мира, никакие дешёвые торгашеские игры на понижение духа, ни даже папирусы апокрифических Евангелий – не в силах этих высочайших обстоятельств отменить!

От души желаю поэту Татьяне Селиванчик настоящего читателя – думающего, неравнодушного, правдолюбивого. Её стихи достойны и несуетного, глубинного прочтения, и сердечного участия.

Сергей Шелковий

*СЕРДО-
ЛИКИ*

Нет, к сожалению, – не сон,
Не чьи-то бредни –
Немыслимый аттракцион
Времени последних:
Глумясь над правдою основ,
Шакальи стаи
На кон земного казино
Полмира ставят.
И снайперы, прищурив глаз,
С тупым старанием
В упор расстреливают нас
С чумных экранов.
...Кто от беды, кто от суда,
Забыв оседлость,
В другие страны, города
Бегут, не медля.
Но хаос и в чужой дали:
Бессилен опыт.
И некуда бежать с земли
В часы потопа.
...А было свыше – что роптать –
Дано знамений
И надо б покаянно стать
Всем – на колени.
Но накопившихся грехов
Мы не отмолим:
Не хватит времени и слов
В земной юдоли. –
На все «спаси и сохрани»
Немого крика
Глядит Спаситель в наши дни
Печальнолико.
Где своеволий наших бунт
В чаду крамолы,
Как обезумевший табун

С обрыва – в море!
Неужто бой добра со злом
Грядёт итогом,
Где свет и тьма пойдут на слом –
Одним потоком?
За распри, в коих мир погряз –
Одна расплата:
Пред Тем виновны,
Кто за нас
Шёл на распятые.

Не называй безотрадным житьё,
Как бы там ни было в мире увечном, —
Видишь, шиповник блаженно цветёт —
Радуйся мигу: пусть он быстротечен.

Что б ни терзало, ни жгло изнутри —
Собраны прожитых лет урожаи —
Словно ребёнок, вбирая, смотри,
От неизбывного чуть отрешаясь.

Выцветшей в горестях зеленью глаз
Запоминай откровения лета
И дорожи, уповая на Спас,
Каждым подаренным свыше рассветом,

В листьях узорчатых пряча росу,
Над суетою — лозой виноградной
Тянется наша глубинная суть
к небу
и ждет озарений в награду.

И снова сырые весны акварели
В распахнутом настезь высоком окне,
А из поднебесной простуженной кельи
Молитва слышнее и дали видней.

Здесь – стыло зимою. Удушливо – летом.
И всё же, без счёту мне было дано
Бессонных ночей, милосердных рассветов
Да горьких плодов золотое зерно.

И как в Зазеркалье, подчас в застеколье,
Пьянит ощущение зримых высот:
Бездонное небо – подобием воли,
Которой мучительно не достаёт.

И столько глазам открывалось закатов,
Немыслимых красок в пространстве небес,
Рождавших в душе одинокой крылатость
И силы – нести предназначенный крест.

...Извечной надеждой на высшую милость,
На самую малость в дарованном дне
Живу, чтобы веру ничто не затмило
В стреноженной доле.

В открытом окне.

В этой жилке, что у лба –
Крови гулкое биенье
И не знающие лени
Устремленье и судьба.
Как выдержишь в ней
Дней накал, ночей бессонность,
Напряжённость плотогона
На опасной быстрине?
За движением души –
Поспевать строкою жгучей,
Изводить себя и мучить
Музыкой, куда жив.
К слову страстию ведом,
Как азартом конокрада, –
Сам себе даруй пощаду
Для дыханья «на потом».
...Есть простор, что в нас самих:
Перечти былые строки,
Свой июль зеленоокий,
Вечным сделавшийся миг.
Второпях не обрести
Истинного осмысленья, –
Вывавшись из спешки плена,
Понимаешь: соль в горсти.
...Но пульсируя в виске,
Власть свою верша над всеми,
Мчит безудержное время,
Как лотрековский жокей.
Не гонись. Передохни! –
Нужно ли спешить вдогонку? –
Там ледок предзимья тонкий
Зыбко под ногой звенит.
А в ответ, как выдох с губ, –
На лету узду сжимая, –
То, что и сама я знаю:
«Не умею. Не могу.»

* * *

И опять не спалось до рассвета, –
Словно дивное что-то свершилось:
Абрикоса цветущие ветки
В темноте заоконной светились.

В этом мире, предутреннем, влажном,
Приоткрылось, как тайное нечто,
Повторяемое не однажды,
Существующее бесконечно...—

Это нежное южное чудо –
Там, напротив, почти по соседству,
Позабытую радость разбудит
Бело-розовым праздником детства.

В этот утренний час одинокий
Явь, что ярче иных сновидений:
Лета проникновенным прологом –
Это раннее первоцветенье...

Промчал трамвай по звонким рельсам –
И только позже стало слышно,
Как этот робкий дождь апрельский
Нечастой дробью тронул крыши.

Он зелени касался юной,
То бережно, то норовисто
И ветки, чуткие, как струны,
Тянули трепетные листья,

Дарило небо обновленье,
Дышалось, как в начале жизни, –
Так, будто миг благословенный
Пребудет в мире этом присно.

Словно кадры короткометражного,
Виденного в юности кино:
Склоны гор вдали синели влажные
Над заката пролитым вином.

...Видятся мгновения счастливыми:
Солнцем дня сгоревшего лучась,
Дивно так под небом послеливневым
В сумерках желтела алыча.

Там, тогда, где всё дышало будущим,
Где слова наивны и легки,
Мир воспринимался на лету ещё.
А впотьмах мерцали светляки.

Там деревья звёзд касались кронами,
И, дурманя, с лёгким ветерком,
Смешанные запахи зелёные
Плыли над ночным Геленджиком...

Галькой остывающей прибрежную
Шелестели волны неспеша,
Чтоб теперь в далёкое, безгрешное,
Вглядывалась пристально душа.

Слетались шумною ватагой
Под споров несусветный раж
В пятиэтажную общагу –
Обетованный наш шалаш.

Пирами нищими согретых,
Нас под высокопарный трёп
В сплошном угаре сигаретном
Led Zeppelin вгонял в озноб.

Великодушны, непреклонны, –
И каждый, как оракул, прав...
И всё – по совести законам,
В исповедании добра.

...Нас за собою звал Высоцкий
Так, будто раненный комбат,
И поднимал к своим высотам
Любви исполненный Булат.

Там, будто в миг священнодействия,
Едины в песнях были мы, –
Далёкие от фарисейства –
Такие светлые умы.

И не было тогда в скрижалях
Законов торжищ, их оков:
Мы, как умели, обожали
Друзей, как маленьких богов.

Осталась ли – неутолённость жажды
В тех днях, где мы с собой играли в прятки?.. –
Мой давний друже, мучаюсь догадкой:
Таких Господь не посылает дважды.

Тогда, теперь – на разных перекрёстках,
В других подобья даже не искала, –
И не пыталась, будто точно знала,
Что повторенье – невозможно просто.

Так разуметь, в молчанье сердцем слышать,
Как будто мы – навеки сопричастны,
А душ родство – сильнее, дольше счастья
И всех порук – неизмеримо выше.

...Светиться обоюдною отрадой
И не хотеть испытывать на прочность,
Чтобы потом, в полёте одиночном,
Не ведать ни упрёка, ни досады.

Полжизни – врозь. Но в памяти и в сердце –
Средь глухоты, предательств и наветов –
Меня спасали неотступным светом
Из-под чела – глаза единовеца.

...Что ж, давай говорить ни о чём,
Боль молчанья залив сургучом,
Что металась, рвалась из-под спуда,
Запечатав печали уста,
Нарочито-беспечными став,
Золотые транжиры минуты.

И в, подобных песочным, часах,
Отмеряет секунды слеза
Той незримой, солёной капелью
По всему, что уже не спасём. –
...В самом деле, зачем обо всём,
Что за целую жизнь не успели?

Возникнуть вот так, прихотливо, непрошено,
И в дверь – через годы – стучать своевольно...
Умчавший когда-то дорогой окольной, –
Зачем воскрешать меня новою болью,
Летучим транзитом поминок по прошлому?

Всё то, что во мне и не знало забвения,
Рвалось – не спасали сердечные шлюзы –
От собственной нежности нету спасения:
У логики разума – слабые звенья
Пред силой последних блаженных иллюзий.

В солёной ли участи, в муке ли крестной
Той памятью-верой, как Богом, хранима,
Звучавшей органною мессой воскресной...–
Я ею спасалась, держалась над бездной
В минуты отчаяний невыносимых.

В замёрзшем стекле безнадеги – проталиной
Несказанность слов и ненужная верность...
Не смея окликнуть родное и дальнее,
Незримою цепью к тебе прикандалена,
Я знала: тебе не по силам надмерность.

...Тот, прежний, с пронзительной чуткостью раннею
Быть может, таким и остался б, когда бы
Ты, данное Богом, сердечное знание
В себе не увечил с упрямым старанием,
Казаться стыдясь уязвимым и слабым.

Лишь видишься прежним, но с болью стократною
Догадка в смятении неизречённом:
Твоё понимание – была невозвратная...,
Ты за здравомыслие платишь утратами,
Смиряться с властью химеры злачёной.

...Всё случилось, как случилось, зачем же ты, что же ты
Объятьем на миг обжигашь как будто,
Когда без тебя время начерно прожито?
...Ты можешь и впредь обо мне не тревожиться,
Как невозмутимо-рассудочный Будда.

Взлетала музыка живая,
Саму себя не узнавая.
Так, словно в первый раз, звуча,
Металась, плача и лучась.

И с нарастающей силой
Кого-то дальнего просила
Откликнуться на этот зов
Скрипичных чистых голосов.

То вдруг, не выдержав накала,
Совсем ненадолго смолкала...
И вряд ли кто представить мог,
Чего ей стоил новый вдох.

А после – медленный и тонкий,
Казалось, с робостью ребёнка
Вплывал в пространство новый звук
И рвался ввысь за кругом круг.

Плескалась, светом проникаясь
И ни на что не посягая,
Великодушием сильна,
О стольком ведала она...

И знала музыка: пустое,
Не обольщаясь высотой. –
Так было от начала лет:
Ответа не было и нет.

Измученная ожиданием,
Уже бестрепетно – о дальнем:
Последней нотой в тишину,
Как будто камешком – ко дну...

Ток наших помыслов и слов,
Негромкий оклик, тщетный зов
В глубины неба...—
Ухода чёрное число:
Как знать, по чьей-то воле злой?
Невольный жребий?

Днём вопрошаем и в ночи,
Но тот, кто ведает, молчит
В печали мудрой,
А о бессмертии души
Оставленным под солнцем жить —
Напомнит утро.

...Вернёшься в золотом луче
С летящей прядью на плече
И взглядом юным,
Чтоб волей трепетной руки
Звучали — смерти вопреки —
Живые струны.

* * *

...Так и останется она
Жить на холсте у Модильяни
В небесно-синем одеянье,
Вся ожиданием полна.

И нерождённое дитя,
Ещё не видевшее света,
Так обнимая, как планету
Перед началом бытия...

* * *

День озвучен незримым стараньем флейтиста:
На излёте октябрь, просветлённый и дымный...
Некто щедрый – охапкой – приносит цветы мне
В обречённую пору утраченных листьев.
Принимаю сей дар,

и горящий, и пряный,
И смущаюсь нежданности чистого жеста:
Необычно пестры, непривычно уместны
Хризантемы, что дышат дождём и туманом.
Узнавая их терпкость, услышу, как если б
Распахнулись в былое

забитые ставни
И повеяло в душу несбывшимся, давним,
Словно двух неприкаянных тени воскресли,
А какая-то птица запела в смятенье, –
Мне почудилось: дрогнуло время и сжалось,
И к наивной душе запоздалая жалость –
Это поздних цветов ворожба, наважденье.
...Подаривший их так вот, без повода, просто,
В неопасном пристрастьи, чтоб ныне, сквозь темень
Вечерами

в печальном доме
хризантемы
Мне светили, как с неба упавшие звёзды.

Так ясны – не по сезону –
Небеса и лес осенний!
Мир сквозной своим озоном
Воскрешает – во спасенье.

Не изведавшему жажды
В заточенье и забвенье –
Не понять, как дорог каждый
Вдох, что музыкой по венам.

Так душа истосковалась
Средь асфальтовых мистерий,
Будто бы из под завала
Выбравшись, ещё не верит...

В тишине исповедальной –
Вещий трепет узнаванья...
И понятней смысл сакральный
Назначенья и призванья.

За терпенье и смиренье –
Мимолётною наградой:
Мерой внутреннего зренья –
Видеть большее, чем взглядом!

У океана на краю,
Не помня – век и день который,
Непостижимостью простора
Ошеломлённая стою.
Здесь время движется быстрее –
И может, здесь его начало –
Созвучно вечному хоралу
Ветров и волн

со всех морей.

Мне и в смятенье – хорошо:
Не чую под ногами землю,
Когда стихии этой внемлю
Всей неприкаянной душой!
И он – среди берегов – один,
И властелин их, и невольник:
Несут бунтующие волны
Соль неразгаданных глубин.
Он, воскрешая и губя
Дыханьем мощного прибоя,
Так переполнен сам собою –
Ему нет дела до тебя.
Мне вплавь – вовек не хватит сил
И нет челна, чтоб понадёжней:
Смирись, коль знаешь – невозможно,
И утешенья не проси.
Смотри. Запоминай. Молчи. –
Есть в этом таинство обряда.
И брызги волн в лицо – отраднo –
От слёз моих не отличить.
Недосягаемо, на дне,
Сокрыты боль его и нежность.
Уйду. И музыкой нездешней
Он заштормит. Не обо мне...

...А мне опять не впрок урок,
Как и беспомощный зарок.
Тут не до самоутешенья,
Когда уже едва дыша,
Неистребимая душа
Кому-то – лёгкою мишенью.

Который раз, как в оны дни,
Свою доверчивость винить,
Вина с цикутою отдавав...
Напрасен самоедства труд:
«И ты, – (дивился Цезарь) – Брут?»
Уже не требуя ответа.

Когда негаданно в пути,
Как вечность, птица пролетит
И, словно брат единокровный,
Зиме безжалостность простив,
Протянет ягоды в горсти
Едва заснеженный шиповник, –
Ответит нежностью зрачок,
Хоть снег слетает на плечо,
Над головой сияя нимбом...
И ты на миг – почти святой,
Почти что с детской чистотой,
Дай волю – сам летел за ним бы.
Летел бы, чтоб упасть в саду
И тихо раствориться вдруг
В гармонии природных красок,
Где мёрзлой ягодой горят
Напоминанья ноября,
Что век – неумолимо краток.
...Напоминанья – не итог
И полпути – ещё не срок:
Есть время – быть, вершить, светиться!
Даст Бог, отпущено тебе
Смеясь терпеть и плача петь
И отражаться в наших лицах.

Ждал осени, натягивал холсты,
Надеялся сбежать от суеты,
Из плена кем-то писанных законов
И дел, что нас преследуют везде,
Чтоб в некий миг свободы – ясный день –
Писать сентябрь по-детски упоённо.

Как некогда, в иные времена,
Когда за вечной спешкой мнилось нам,
Что всё ещё когда-нибудь да будет,
Казалось, всё успеется ещё
И бледность не коснётся наших щёк,
И нет конца курсиву наших буден.

Но твой – всё чаще замечала – взгляд
Был обращен то в прошлое, назад,
То вглубь себя – с каким-то замираньем. –
Спросить: «О чём ты?» – не решалась, нет,
Как будто знала: тоненькой струне
Извне касанье – неуместно, странно,

А может, сам не зная, ощущал
Пределы сроков, зов иных начал,
Где зыбкий голос чей-то молвил: «Поздно...» –
Как будто в речку уронил весло
И лодочку теченьем понесло
В день августа, болючий, високосный.

Там женщина твоя с бедой в очах
И дом, где без тебя остыл очаг,
И всё, что до конца непостижимо.
...Казалось, вдруг растерянно застыл
Мир, не запечатлённый на холсты,
А в нём и всё, что так тобой любимо.

...Солдатики, уставши от боёв,
Навек плечо утратили твоё
И без тебя – осенняя поверка,
Когда так непривычно промолчишь
И лишь метнётся огонёк свечи
На зов наш неприкаянный: «Валерка!».

* * *

Асе

Осень – последняя в тысячелетье,
Но не дождавшись ни манны, ни снега,
Ты из родимой постылейшей клетки
Осознаёшь неизбежность побега.

Помня – душе откликаться на клёкот,
Зная – не греет чужое пространство:
Коль не нужна, так уж лучше далёко,
Только б не зреть равнодушья и чванства.

Мне же – лишь сердцем – рваться вдогонку
Рвётся, где тонко...Благо, что – живы.
...Полуседым остаёшься ребёнком,
Солнцелюбивым, щедрым, нелживым.

Маяться врозь нам. Лучше б уж – вместе:
Вроде не так безнадёжно и горько,
Но остаются – краткие вести,
В прошлом – прощания скороговорка.

Мы – и неволи, и воли – скитальцы! –
Вдруг оборвёшь меня: «Хватит об этом.» –
Только лишь в некольцованных пальцах
Дрогнет слегка огонёк сигареты.

НАД РЕЙНОМ

А.Ш.

...А по воде – судёнышки, баржи,
Ты в сумерках предутренних над Рейном
Стоишь одна и смотришь...
Так в тиши
Стоял когда-то отрешённый Гейне.

Смотрел и видел, как светлеет даль,
Мятежный духом – здесь искал покоя,
Но тлела вездесущая печаль
Грядущего изгнанника-изгоя.

Потом, как знать, на берегах чужих
Он вспоминал в молчании смиренном
Гудок в тумане медленной баржи
И всё, что видишь ты сейчас над Рейном...

...А воздух осенний струится в окно
И солнце нежаркое трогает стены...
Такие минуты покоя – бесценны,
В них что-то особое заключено:

Несуетный миг золотой тишины,
Безвучной молитвы, печали и света –
Попытка моих упований заветных,
Глубинные отзвуки тайной струны.

И память о том, вольномыслящем, с кем
Возможно порой говорить молчаливо,
Как между штормами – во время отлива
На отмели тёплой, на влажном песке.

...Пылинки, в луче отрешённо кружа,
Не знают о мире, не ведают боли,
А ты и в такие мгновенья – не волен
Избыть, что оплакать не в силах душа.

И как ни пытайся постичь и раззять
Вериги юродства и дух дерзновенья –
То кровь вековая пульсирует в венах,
В которой – страдание
и благодать.

После недели холодных ветров и дождей
Эта сентябрьская ночь, как осенняя прихоть:
Оцепенело и как-то мистически тихо,
Кажется, ждёт только ей лишь понятных вестей.

С выси окна полупризрачно кроны видны
Будто на грани меж сиюминутным и вечным,
Темень смешалась с туманом опалово-млечным,
Словно он сам – только зримая плоть тишины.

Может быть, он – отраженье несказанных слов,
Невыразимой печали, в молчанье уставшей,
В чём-то сродни упованиям забывшимся нашим –
Тем, что водою стремительных лет унесло.

...Странное чувство тревожит всю ночь напролёт:
Вдруг в этом плотном, непреодолимом тумане
Может случиться, что кто-то меня позовёт –
Зов растворится, заблудится где-нибудь, канет...

В городе, видимом, будто бы айсберг, на треть,
Матовым маревом осени скрытом от взгляда,
Как маячок до рассвета над чьим-нибудь садом
Будет знакомо зелёный фонарик гореть.

Подумает кто-то беззлобно и просто
При взгляде на горько-упрямую статью:
Зачем он стоит на осенних подмостках
И что-то играет опавшим листьям...
Он странно, пронзительно смотрит куда-то
И мучает горло измятой трубы,
И молится словно восходу – закату
На краешке века, на кромке судьбы.
Он будто зовёт, убеждает кого-то
Не впасть в летаргии беспамятной тьму,
Не верить чугунным божкам в позолоте,
Не слепнуть бездумно в кромешном дыму.
Ему всё равно, что ветрами освистан, –
Такие гонимы во все времена, –
Не нужен ему подпевала речистый
И мзда за сердечную боль

не нужна...

Уже не скрывает, что зол и измучен –
А вдруг да услышат – хоть он и устал,
А может – поймут

и запомнят,

заучат

Признанья, что выдохнут эти уста...

Уже не во власти мучительной жизни,
Быть может, взирает на правящих тризну,
На речи

о собственных сути и творчестве...

Боюсь, что и ныне, уже отрешённо,
Он – даже в посмертье – вне всяких законов
Останется долго в плену одиночества.
...Казалось бы, признан и не был в изгнание,
Но только откуда во взгляде, как в ране,
Тоска – огоньком, неприкаянно тлеющим?
И совесть навеки ожогом подкожным,
Как след от времён и двуликих и ложных –
В мальчишке, по правилам жить не умеющем.
А если – случилось – пытался,

попытки

Для сердца подчас обращались убытком,
Как будто согласие дал на послушание...
Мечась средь объятий то дружных, то чуждых,
Храбрясь, защищался улыбкой недужной,
Сомнения доверив ночному молчанию.
...Теперь не страшны маета и наветы.
Да будет Господь милосерден к Поэту,
Светлейшему грешнику, верному истинам,
Сжигавшему сердце над честной строкою –
Ему хоть теперь бы тепла и покоя,
Прозрений за горними далями чистыми.

Из цикла «Старые календари»

*

День июньский свечою зелёной горит не спеша,
В нем летучая радость важнее насущного хлеба,
А этаж совпадает с десятым сиреневым небом –
С этим небом твоя и моя совпадает душа.
И заплочных судеб не отринуть и не изменить,
Но спасибо счастливой возможности пересечений...
Эти песни негромкие, как продолженье свеченья,
Эта – нас повязавшая – жизни суровая нить.
Видит Бог, да и мы, что сейчас не лукавим, не лжём,
И сердца светляками в потёмках житейского смога.
... Ты меня не спасёшь, но поднимешь над прозой немного,
Что там дальше – не знаю,

но как же сейчас хорошо!

Хорошо вперемежку с бедой, с окаянной тоской,
Вперемежку с догадкой невольной, с предчувствием смутным,
Только, как высоки мы и искренни в эти минуты,
Слышат струны, так чисто звуча под твоею рукой.
... Как мерцают зрочки над оплывшей зелёной свечой,
Полуночное эхо летит за последним трамваем...
Я с тобою уроки предательств былых забываю,
Доверяя крылу, что растёт у тебя за плечом.

Осень в городе.

Светло,
Постепенно и неслышно
Парки, улицы и крыши
Листопадом занесло...
Смотрит в мир моё окно
Так прозрачно, отрешённо,
Отражая, как в затоне,
Пёстрых красок полотно.
Так минорно хороши
Этих дней преображенья
Тихой ясностью осенней
Прозревающей души.
Из последнего тепла
Как-то слишком осторожно
Я создать пытаюсь всё же
То, что летом не смогла.
Но...

Расстаться тороплюсь,
Всё прощаю

и прощаюсь,
Только сердцу обещаю,
Что сюда ещё вернусь.
Вот таким же светлым днём
Всё припомнится...

и снова
Календарный лист кленовый
Обожжёт своим огнём.

От осеннего разлада –
Во спасенье – убегаю:
Не ищу, не отрекаюсь –
Ничего теперь не надо.
Ни пощады, ни отрады,
Ни натужных откровений,
Ни тепла, что постепенно
Стало стылою прохладой.
Говорят: «Не зная броду...» –
Лезу в воду безоглядно
И последнею расплатой –
Сиротливая свобода.
Можно жёстко и порозно.
Можно. Сдюжим. Только – толку?...
А молчания морозы –
Серебром падут на чёлку.
...Поединки все нелепы
Двух миров – мужчин и женщин.
Мне – одна дорога – в небо,
А тебе – проблемой меньше,
А тебе – с моих пожаров –
Только дым да пепелище:
Не в цене, что дали даром,
Даже если дар тот свыше...

Быть может, это – к лучшему:
Тебя со мною нет.
Тебя, себя не мучаю –
И так на много лет.

Метелью засыпаются
Следы твоих обид.
Тебе-то легче маяться:
Не предан, не забыт.

Век памяти – не короток,
Измерен – не числом...
Любовь моя по городу
Бредёт бездомным псом.

Ждать некого и нечего:
Не воет, не скулит, –
Глаза подняв доверчиво,
Глядит, как снег летит...

Я знаю, ещё не однажды накатит
И в зыбкость забвения горько прорвётся
Живучая память о давней утрате... –
И не потому ли тебе не поётся?
Та, прежняя, лучшая песня начала,
Что души роднила, казалось – навеки,
И верой над бренностью так возвышала,
Как будто усталых паломников Мекка.
Была упоённость – почти упованьем, –
Сегодня мучительно вспомнить об этом:
Затянута ложью, как тучею рваной,
Забывтое небо сожжённого лета...

*ПОДОБНО
ЛИВНЕВОМУ САДУ*

Не забываю: в немощный мой час,
Когда в глазах темно от боли было,
Крещенскую водой меня кропила,
Молитву неустанную шепча.

И натиск хвори – чудом – отступал:
То, внемля, милосердствовал Всевышний,
А ты была – в тот миг – тем самым ближним,
Кто на спасенье сердцем уповал.

Мы в жизни, как у бездны на краю,
В осаде вечных тягот и страданий,
Нуждаемся всегда в надёжной длани,
В родной душе, дающей нам приют.

И благодарность множится стократ:
Сама всегда спешу отдать немедля
Тепло и хлеб – не горстку жалкой меди! –
Тому, кто нам на самом деле брат.

Когда не раз испытаны бедой,
Пусть даже – знаю – спорить есть о чём нам:
Разлады, распри мелкие – никчёмны
Пред памятною этой добротой.

Из Лидии Доценко

* * *

«Ночью проснулся
от громкого крика: «Спасите!».
(Ю. Левитанский)

«Спасите!...» – порою так выкрикнуть хочется,
Вернее, не крикнуть, а выдохнуть в стоне,
Среди круговертей и вьюг одиночества
Себе про себя и кому-то напомнить.
А после подумаю: «Кто я им, кто я?
Соседка, подруга, просто знакомая? –
Три года не виделись...–

Что здесь такого? –

Тихонько смеются: читаю Гийома.
Стихи сочиняю...

Иль делать мне нечего,
Слова те искать, словно в стоге иголку?
Зачем же так мучиться в поисках вещего,
В арктическом холоде биться без толку?...
На вечном пороге...

Что лучше – кто знает?

И что оно там,

в этих «завтра» и «позже»? –

Другие – ребёнком себя вспоминаю –
И хлебом спасали и песнею тоже.
...Не знаю, была б я,

когда бы не это,

И жить, но не скраю,

училась на свете,

И слабое сердце мужало, любя:

Кого-то важнее спасать, чем себя.

Перевод с украинского

Из Лидии Доценко

* * *

Прикрою веки и услышу: «Ли-и-и...»,
...Но что в золе? – огня не сберегли.
Свидетелем, что он горел во мне,
Лишь сизоватый дым, что в вышине...
Лишь дым...Уже – ни помыслов, ни слов,
Лишь тонким звоном память про любовь,
Как рюмочка пустая...,
так вдали: «Ли-и-и...».

Перевод с украинского

Из Лидии Доценко

* * *

Не видя ухабов во мраке кромешном,
Набью синяки, заплутаю не раз.
...Пред Высшим Судом отвечать неизбежно,
Но есть покаянья смиренного час.
Отпущено время – упасть на колени
И небу открыться на самом краю...
Я – пепел,
я – порох,
я знаю, что тленна,
Но вечности сердце своё отдаю!
В оркестре людском – не звучат в одиночку
Певучие струны, что доля дала:
Сегодня придёт –
запятою ли, точкой,
А завтра покажет,
зачем я была.

Перевод с украинского

Когда изматывает душу
Страстей бессмысленных накал,
И век недолгий, что отпущен,
Уже вливается в века.
Все тупики и переулки
Судеб – теряются в ночи,
И голосов, когда-то гулких,
Едва ли шёпот различим.
Из сил последних верим вроде,
Что всё пережито – не зря,
Но из под ног земля уходит
На перекрёстках января.

Пославословили – и хватит,
Отлицемерили – и будет:
В науку горькую – утраты,
А дальше пусть Господь рассудит.
Прозренье отрезвляет душу
И охлаждает пыл наивный:
Доверья храм полуразрушен,
А сердце, что земля без ливня,
И не забыть, как ни старайся –
Сама открыла двери дома
Чернавке хитрой, вероломной,
Вкусила яблочек нерайских –
Вкусила, замерла, воскресла.
Доныне слышу послевкусье...
И что теперь поделатъ, если
Все лицедеи так искусны?!
...Страшны их лица за обличьем
И за самоуничиженьем –
Лишь жажда жалкого величья,
Гордыни злобной упоенье.
Неужто же сюжет извечен,
И мир коварства не избудет?
Волчицам хватит шкур овечьих,
Они же будут рваться в судьи.
Мне ж ошибаться, задыхаясь, –
Быть не собою не сумею –
И кто там, на порог ступая,
Твердит: «Не верить мне не смеешь»?
...Блажен ли тот, кто осторожен?
Но коль былого не исправить,
Прости мне сетованье, Боже,
И от лукавого избави.

«Горше правды – только ложь...» –
Выдохнешь – уже бесслѣзно,
Тихо, как в ночи морозной,
Где подачкой – лунный грош.

От наветов, клеветы
В дебрях века – не укрыться:
Некогда родные лица
Вспоминать боишься ты.

Ты боишься, я боюсь, –
Сколько нас на этой дыбе?!
...Что любили, что смогли бы –
Ныне там
                                терновый куст.

Но и он – живой – цветѣт,
Над былою бездной поднят,
Сквозь враньѣ и забытѣ –
Утешением Господним.

Как ни печально, но ...
не двадцать лет спустя –
Мои друзья сейчас, легко и без усилья,
Обидчиков моих, не мучаясь, простят,
А впрочем, знаю я – уже, давно простили.
...Непроницаемы, невинны их глаза. –
Всѣ меньше веры им и откровенья тише.
...Смолчу не потому, что нечего сказать
Им, собственную боль кому-то не простившим.

Кто-то тихий и кроткий,
Меня наставляя, твердил:
«Не раскачивай лодку
И спящих собак не буди».

...Удаётся ж кому-то
Рассудком себя обуздать! –
Все разумно по сути,
Но верно – увы – не всегда.

Никому не переча,
Ужели возможно прожить,
Уступая извечно
Лихим триумфаторам лжи?

В лицемерном согласье,
Дорогу к успеху торя,
Шкуру обезопасить,
Да только – себя потерять.

Лучше слыть идиоткой,
Почти позабывшей покой, –
Что поделать, коль лодке
Приходится спорить с рекой!

Правду ли оболгали,
Лютует подлец и дурак –
Так и слышится Галич,
Мятежно будивший собак.

У эпох на распутье
Рождались во все времена,
Кто – с нерабскою сутью –
Запретов кордоны сминал.

Из молчания срама,
Зная точно, что будет распят,
Поднимался Шаламов,
Вызывая огонь на себя.

Как же голоса Стуса
Боялась всесильная власть,
А бунтарская муза
И в невольницкой не отреклась.

...Пусть уделом немногих –
Платить бездорожьем судьбы,
Помня: лишь перед Богом –
Ответчики мы и рабы.

Кажется, достойный пройден путь,
Но фальшивит, числясь в первых скрипках
Видится за благостной улыбкой
Некая сомнительная суть.
При почтенном перечне заслуг,
Не придя к глубинам пониманья, –
Мнить себя судьёй на поле брани,
Пошlostью пристрастной резать слух.
Позволяет славы ореол:
Можно путать следствие с причиной,
Истину с наветом...–

Всё едино,
Всё сгодится жерновам в помол.
С маскою сердечности благой
Проще достигать заветной цели,
Как самих себя на самом деле,
Не любя, пожалуй, никого.
У самодовольства – свой резон
С вечною всезнайства правотою,
И труда особого не стоит
Подпеванье свите – в унисон.

Ложь с елеем – скользкая стезя
Правдочки сиюминутно-зыбкой:
В небесах звучат иные скрипки –
Им, фальшивя, подыграть нельзя...

Благоразумные мои, бегу от вас. – А толку! –
Благоразумные мои, вам даже невдомёк:
Свинцовым холодом разит, как из зрачков двустволки
От безучастья ваших слов, измучивших висок.

Как предсказуемо-скучны, расчетливы затеи.
У самозванства нет стыда: все средства хороши...
И попиранье прочих, кто не хочет, не умеет
За лавры совестью платить и пагубой души.

Какой лукавый кукловод умами ныне правит? –
Мастак подлогов и подмен – хитёр и многолик,
Во искушение гордынь верша игру без правил,
Где лжи потворствуют легко и душно от интриг!

...Совсем другими в час иной вы виделись мне раньше
Актёрствующие дельцы и пленники побед,
Легко отдавшие свой пыл манёврам и реваншам,
Но разве этой суетой от века жив поэт?

Но так заносчиво-чванлив иной стяжатель славы, –
Похоже, рыночный цинизм пришёлся в самый раз! –
Под свой ранжир как ни кроют высокие уставы,
Я верю: бескорыстья дух сегодня не угас.

Из самомнения не творя при жизни пьедесталов,
Тот, пастернаковский, завет усвоить навсегда:
Лишь понимания в пути творцу искать пристало
И просто так дарить свой дар, как мог Сковорода.

Благоразумью вопреки, живя в смешенье жанров,
Свой гений пряча в шутовство немыслимых реприз,
Был расточительно-лучист великий Параджанов,
Своей трагической судьбы невольный сценарист.

Можно исчезнуть смиренно и молча,
Если при жизни – не ищут, не помнят,
Да и не важно, что чаще не понят
Ряженой братией ловких и ловчих,
Другом ли, что до беспамятства занят,
Узы – всё чаще – заочны, условны:
Не докучала б укором и зовом
И ожиданием, как наказаньем.
...Можно исчезнуть, когда б не держали
Вера и нежность последняя – к лучшим,
Если б жестокий не целился лучник
В тех, за кого и молюсь и печалюсь...

* * *

Поплачь, душа моя, поплачь,
Подобно ливневому саду,
Отмой от бредового чада,
Чудачества и неудач.

Поплачь, рассудку вопреки:
Не всё же – стойком постылым.
И осади нещадность пыла
Дотла сгорающей строки!

...За то, что в той судьбе, былой,
Летать безудержно посмела,
Поплачь в тюрьме больного тела,
Уткнувшись в битое крыло.

МОЛИТВА

Вновь голова от зорких мыслей горяча... –
Вот-вот светать начнёт.

Лишь подождать немного.

Родные птичьи голоса опять звучат
Так, будто просят о своём о чём-то Бога.

Мои бессонницы – во благо, если дух
Ни тела немощью, ни стенами не скован,
Когда от переосмысления иду
К тому, что я с надеждой смею молвить слово.

Совсем не кроткая, робею всякий раз
До замирания дыханья, еле слышно,
Не опуская всё же покаянных глаз,
Я обращаюсь смиренно: «Господи! Всевышний!

И да святится имя вечное Твоё,
И пусть на всё Твоя святая будет воля!
Прости нас, Боже, что несправедно живём –
Не потому ли в мире этом столько боли?

Спасибо, Господи, за трудный хлеб в горсти,
И неразумие прости, и прегрешенья.
И мне, другим сумевшей столько простить,
Дай силы там, где нету силы для прощенья.

Когда хлестала клеветы лихая плеть,
Тобой терпение даровано мне было,
Уменье и немилосердного жалеть
И больше верить в тех, кого не разлюбила.

Ты, столько раз меня спасавший, помоги,
Не дай отчаяться, претерпевая муки,
Когда бесчинствуют и злобствуют враги
И двоедушие проглядывает в друге...

ТРИ КОСТРА

Давиду Титиевскому

Все не так – до отчаянья – было вчера:
Я не знала, что вспыхнут спасительным знаком
Три посадочных, ярких и смелых костра,
Вырывая меня из недоброго мрака.
Я свалилась на землю.

От боли, толчка

Я еще не успела

расслышать, взглядеться,

А меня уже сильная чья-то рука
Подхватила уверенно, твердо, как в детстве.
... И тепло постепенно вбирала душа,
Унимался озноб

и трещали поленья,

Я же

заново, трудно училась дышать,
До конца, может быть, и не веря в спасенье.
Нечужие глаза отражали меня,
Все теперь почему-то казалось безмерным:
Этот лёт, эта ночь,

человек у огня,

Что без всяких обетов

умеет быть верным.

Отогреюсь. Немного прибавится сил.

Мне б спросить – да неловко –

за что мне такое?

Кто его надоумил и кто научил
Неумению жить в безоглядном покое?
Он скорее ответит, что это – пустяк:

Просто есть уговор

среди близких по духу –

Если кто-то в беде,

если что-то не так,

Три костра разжигать и

протягивать руку!

Какая отвага: по жизни идти босиком
С осанкою гордой – размокшим шальным большаком,
Так, будто не вдосталь ещё от судьбы натерпелась,
За меру познания платить, осязая снега,
Горячим асфальтом подошвы свои обжигать
И чтобы при этом душе и леталось и пелось.

Твой голос текущий, подобно осенней реке,
Любви неизбывной, живой, не убитой никем,
Звучит, словно был на земле от рождения мира,
Запомнивший тёплые краски эдемских садов,
Надежд подвенечных и – позже –
отчаянье вдов,
Стал мудрости горькой настойкой,
добра эликсиром.

...Вечерние отблески, всё же, – подобьем тепла,
Как эхо страстей, что, казалось, сгорели дотла,
Проявят высокие смыслы с особою силой.
Босая царица, не выдохнуть бабьей судьбы,
Но спеть её можно и так, чтоб свободнее быть
И легче ступать – оттого, что былое простила.

Вот так и живём, отдавая без устали всё,
А время – потоком – по острым порогам несёт,
И ранит, и лечит нас, и возмужавших, и хрупких.
...Как ветер октябрьский, бессилье виски холодит, –
Вдогонку кому-то пропетое: «Не уходи...»
Твоим болевым, всепрощающим сердцем, голубка.

Причудливые эти облака –
Быть может, воспарившая река,
Плывущая в тугих потоках ветра, –
Свободна, удивительно легка
И ни к чему ей русло, берега
В пространстве вечном воздуха и света.

В заката перламутровой дали –
Торжественны, как будто обрели
Такую волю – навсегда, навеки,
Но облакам неведомо о том,
Что суждено пролиться им дождём
И впасть в уже совсем иные реки...

Уже не тянет к зеркалам:
Нам снятся заводи зеркальные
С размытыми, как память, далями,
Где что-то видится лишь нам.

Прощанию созвучный свет
Тревожит красками закатными...—
И поздно что-либо загадывать,
И руки греть в сухой листве.

На предначертанном пути
Исканий и тоски – немеряно...
А сердце то замрёт растерянно,
То в унисон часам частит.

...Так, помня, что была гроза,
Что цвёл, дождями зацелованный,
Вплывая в сумерки лиловые,
Молчит опустошённый сад.

Беда или мудрость, что поезд познания
Приходит, как правило, к нам с опозданием,
Когда остывающий пепел желаний –
Добавкою – каплям сердечным в стакане.
...Усталость, раскаяний поздних осадок –
В душе, не избывшей разоров, разладов,
Средь вросших
  безвременья чёрных осколков –
Живучая правда. Да только вот, толку...
Коль души и судьбы высокие – порознь
И век, на витке набирающий скорость,
В абсурде, кольцом обступающий плотным –
Где рвачества преуспеванье – почётно,
Где меньше и меньше разумному места,
А сердце – последней попыткой протеста
Всё к истине рвётся...
И длится познание
В спасительном слове Святого Писания.

Разве кто-то тогда, при рождении, нам обещал
Справедливый удел на земле или путь не тернистый? –
Больше тысячи лет от Христом заповеданных истин,
Но и столько же лет против них и хула и праща.

...Незаметно дорога моя превратилась в тропу,
Ныне день – тороплив, чем-то скомкан, почти не улыбочив:
Все отчётливей дали, а близкое – дальше и зыбче... –
Разве это и есть тот, судьбой предначертанный путь?

Вопрошала мучительно, всюду искала ответ,
Но меняются сроки: сама отвечать приготовься!
Сколько жизни прошло, но ведь кажется – не жили вовсе,
А пережито столько, что хватит на тысячу лет...

Ну а я всё надеюсь: умерю поток суеты,
Наконец обрету ту завидную, прочную ясность.
Только знаю, что тешу себя этой мыслью напрасно:
До конца не постичь – переменчивы жизни черты.

И случается – луч, пронизавший внезапно слезу,
Там, в пространстве души,
                                преломится десятками бликов:
Так огромное – в малом,
                                а малое – в самом великом,
Может быть, составляет
                                простую и сложную суть.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. СЕРДОЛИКИ

«Что до участи поэта...»	8
«Строгий мой судия...»	9
«Нет, к сожалению, — не сон...»	10
«Не называй безотрадным житье...»	12
Причитание по Нике	13
«И снова сырые весны акварели...»	14
«В этой жилке, что у лба...»	15
«И опять не спалось до рассвета...»	16
«Промчал трамвай...»	17
Остался на последнем фотоснимке	18
«Словно кадры...»	19
Друзьям молодости	20
«Осталась ли неутоленность жажды...»	21
«Когда-то, может в январе...»	22
«Что ж, давай говорить ни о чём...»	23
«Возникнуть вот так...»	24
«Взлетала музыка живая...»	26
«Ток наших помыслов и слов...»	27
«В вашем саду...»	28
«Так и останется она...»	29
«День озвучен...»	29
«Так ясны — не по сезону...»	30
«Душа — нежнейшая затворница...»	31
«У океана на краю...»	32
«А мне опять не впрок урок...»	33
Колкая стерня	34
«Когда негаданно в пути...»	35
«Ждал осени, натягивал холсты...»	36
«Осень — последняя в тысячелетии...»	37
Над Рейном	38
«А воздух осенний струится в окно...»	39
«Столько соли в юдоли...»	40
«После недели холодных ветров...»	41

«Подумает кто-то...»	42
«Уже не во власти...».....	43

ИЗ ЦИКЛА «СТАРЫЕ КАЛЕНДАРИ»:

«День июньский свечою зелёной...»	44
«Осень в городе...»	45
«От осеннего разлада...».....	46
«Быть может, это – к лучшему...»	47
«Я знаю, ещё не однажды накатит...».....	48

Часть II....ПОДОБНО ЛИВНЕВОМУ САДУ

«Не забываю: в немощный мой час...»	50
Из Лидии Доценко	
«Спасите!...» — порою так выкрикнуть хочется...»	51
Из Лидии Доценко «Прикрою веки и услышу...»	52
Из Лидии Доценко «Не видя ухабов...»	52
Из Лидии Доценко	
«Сольются воскресенье и трудный понедельник...»	53
«Когда изматывает душу...».....	54
«В разрушительные времена...».....	55
«Мир февральский...»	56
«Сердца хладнокровные...».....	57
«Пославословили...»	58
«Горше правды – только ложь...».....	59
«Как ни печально...»	59
«Кто-то тихий и кроткий...»	60
«Какие злые времена...»	62
«Кажется, достойный пройден путь...».....	63
«Благодарные мои...»	64
«Пока — и слава Богу...»	65
«Можно исчезнуть...»	66
«Поплачь, душа моя, поплачь...»	66
Молитва.....	67
Три костра.....	69

«Какая отвага...».....	70
«Причудливые эти облака...»	71
«Не было витиеватых речей...».....	72
«Уже не тянет к зеркалам...»	73
«Беда или мудрость...».....	74
«Разве кто-то тогда, при рождении...».....	75
«Боренья сердца и ума...».....	76

Литературно-художественное издание

СЕЛИВАНЧИК
Татьяна Степановна

УПОВАНИЕ

Стихи

Редактор И.В. Мельницкая

Компьютерный набор и верстка А.Т. Гринченко

Сдано в набор 02.11.06. Подписано к печати 04.12.06.

Гарнитура Times. Формат 84х108/32.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 5.

Тираж 300 экз. Заказ № 1204-06.

Издательский Дом «Райдер»

61000, пр. Гагарина, 20, оф. 306.

Тел./факс: (057) 703-40-87, 703-40-97, 703-44-08, 703-44-09

E-mail: info@rider.com.ua Internet: <http://rider.com.ua>

Свидетельство о внесении субъекта издательской
деятельности в Государственный реестр
Серия ДК № 1018 от 21.08.2002 г.

«Равнодушие никогда не сможет породить те лучики, которые, преломляясь через призму поэтического миропонимания, собираются в яркий фокус. А он и ярк потому, что в нем сквозь мрак великой трагедии светит огонек оптимизма и надежды».

Анатолий Макогонов